

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1824 И НАЧАЛЕ 1825 ГОДОВ

Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и гениальных творений. Простор около умов высоких порождает гениев: они рвутся расшириться душою и наполнить пустоту. По времени круг сей стесняется; столбовая дорога и полуизмятые венки не прельщают их. Жажда нового ищет нечерпанных источников, и гении смело кидаются в обход мимо толпы в поиске новой земли мира нравственного и вещественного; пробивают свои стези; творят небо, землю и ад родником вдохновений; печатлеют на веках свое имя, на одноземцах свой характер, озаряют обоих своей славой и все человечество своим умом!

За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею, но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности. Так было везде, кроме России; ибо у нас век разбора предыдет веку творения; у нас есть критика и нет литературы, мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками! Постараемся разгадать причины столь странного явления.

Первая заключается в том, что мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому.

Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народною гордостью, вместо того чтобы возбудить рвение и сотворить то, чего у нас нет, старается унизить даже и то, что есть.

К довершению несчастья мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка. Застав ее, после блестящих произведений, в поре полемических сплетней и приняв за образец бездушных умников века Людовика XV, мы и сами принялись толковать обо всем вкрывь и вкось. Говорят: чтобы все выразить, надобно все чувствовать; но разве не надобно всего чувствовать, чтобы все понимать? А мы слишком бесстрастны, слишком ленивы и не довольно просвещены, чтобы и в чужих авторах видеть все высокое, оценить все великое. Мы выбираем себе

авторов по плечу; восхищаемся д'Арленкурами, критикуем Лафаров и Делилев, и заметьте: перебравив все, что у нас было вздорного, мы еще не сделали комментария на лириков и баснописцев, которыми истинно можем гордиться.

Сказав о первых причинах, упомяну и о главной: теперь мы начинаем чувствовать и мыслить — но ошупью. Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум дела; он хочет шевелиться, когда не может летать, но, не занятый политикою — весьма естественно, что деятельность его хватается за все, что попадется, а как источники нашего ума очень мелки для занятий важнейших, мудрено ли, что он кинулся в кумовство и пересуды! Я говорю не об одной словесности: все наши общества заражены тою же болезнью. Мы, как дети, которые испытывают первую свою силу над игрушками, ломая их и любопытно разглядывая, что внутри.

Теперь спрашивается: полезна или нет периодическая критика? Джеффри говорит, что «она полезна для периодической критики»¹. Мы не можем похвалиться и этим качеством: наша критика недалеко ушла в основательности и приличии. Она ударилась в сатиру, в частности и более в забаву, чем в пользу. Словом, я думаю, наша полемика полезнее для журналистов, нежели для журналов, потому что критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало; но между тем листы наполняются, и публика, зевая над статьями, вовсе для ней не занимательными, должна разбирать по складам надгробия неизвестных людей. Справедливо ли, однако ж, так мало заботиться о пользе современников, когда подобным критикам так мало надежды дожить до потомства?

Мне могут возразить, что это делается не для наставления неисправимых, а для предупреждения молодых писателей. Но скажите мне, кто ставит охранный маяк в луже? Кто будет читать глупости для того, чтобы не писать их?

Говоря это, я не разумею, однако ж, о критике, которая аналитически вообще занимается установкою правил языка, открывает литературные злоупотребления, разлагает историю и, словом, везде, во всем отличает истинное от ложного. Там, где самохвальство, взаимная похвальба и незаслуженные брани дошли до крайней степени, там критика необходима для разрушения заговоренных броней какой-то мнимой славы и самонадеянности, для обличения самозванцев-литераторов. Желательно только, чтобы

критика сия отвергла все личности, все частности, все расчетные виды, чтобы она не корпела над запятыми, а имела бы взор более общий, правила более стихийные. Лица и случайности проходят, но народ и стихия остаются вечно.

Из вопроса, почему у нас много критики, необходимо следует другой: «Отчего у нас нет гениев и мало талантов литературных?» Предслышу ответ многих, что от недостатка ободрения! Так, его нет, и слава богу! — Ободрение может оперить только обыкновенные дарования: огонь очага требует хворосту и мехов, чтобы разгореться, — но когда молния просила людской помощи, чтобы испыхнуть и реять в небе! Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий², даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии³. Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности изможденных гонением или недостатком лиц наших — рассвет бессмертия! Скорбь есть зародыш мыслей, уединение их горнило. Порох на воздухе дает только испышки, но сжатый в железе он рвется выстрелом и движет и рушит громады... и в этом отношении к свету мы находимся в самом благоприятном случае. Уважение или, по крайней мере, внимание к уму, которое ставило у нас богатство и породу на одну с ним доску, наконец, к радости сих последних, исчезло. Богатство и связи безраздельно захватили все внимание толпы, — но тут в проигрыше, конечно, не таланты! Иногда корыстные ласки меценатов балуют перо автора; иногда недостает собственной решимости вырваться из бисерных сетей света — но теперь свет с презрением отверг его дары или допускает в свой круг не иначе, как с условием носить на себе клеймо подобного, отрадного ему ничтожества; скрывать искру божества, как пятно, стыдиться доблести, как порока!! Уединение зовет его, душа просит природы; богатое нечерпанное лоно старины и мощного, свежего языка перед ним расступается: вот стихия поэта, вот колыбель гения!

Однако же такие чувства могут зародиться только в душах, куда заранее брошены были семена учения и размышленья, только в людях, увлеченных случайным рассеянием, у которых есть к чему воротиться. Но таково ли наше воспитание? Мы учимся припеваючи и от того навсегда теряем способность и охоту к дельным, к долгим занятиям. При самых счастливых дарованиях мы едва име-

ем время на лету схватить отдельные мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у нас ни в случае, ни в привычке. У нас юноша с учебного гулянья спешит на бал; а едва придет истинный возраст ума и учения, он уже в службе, уж он деловой — и вот все его умственные и жизненные силы убиты в цвету ранним напряжением, и он целый век остается гордым учеником, от того, что учеником в свое время не был. Сколько людей, которые бы могли прославить делом или словом свое отечество, гибнут, дремля душой в вихре модного ничтожества, мелькают по земле, как пролетная тень облака. Да и что в прозаическом нашем быту, на безлюдье сильных характеров может разбудить душу? Что заставит себя почувствовать? Наша жизнь — бестенная китайская живопись; наш свет — гроб повапленный!⁴

Так ли жили, так ли изучались просветители народов? Нет! В тишине затворничества зрели их думы. Терновою стезею лишений пробивались они к совершенству. Конечно, слава не всегда летит об руку с гением; часто современники гнали, не понимая их, но звезда будущей славы согревала рвение и озаряла для них мрак минувшего, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство. Правда, и они прошли через свет, и они имели страсти людей: зато имели и взор наблюдателей. Они выкупили свои проступки упроченною опытностью и глубоким познанием сердца человеческого. Не общество увлекло их, но они повлекли за собой общества. Римлянин Альфieri, неизмеримый Байрон, гордо сбросили с себя золотые цепи фортуны, презрели всеми заманками большого света — зато целый свет под ними и вечный день славы их наследие!!

Но кроме пороков воспитания, кроме затейливого однообразия жизни нашей, кроме многосторонности и безличия самого учения (*quand même*) *, которое во все мешается, все смешивает и ничего не извлекает, — нас одолела страсть к подражанию. Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? Бог весть! До сих пор, по крайней мере, наша муза остается невестою-невидимкою. Конечно, можно утешиться тем, что мало потери, так или сяк пишут сотни

* во что бы то ни стало (*франц.*). — Ред.

чужестранных и междоусобных подражателей; но я говорю для людей с талантом, которые позволяют себя водить на помочах. Оглядываясь назад, можно век назад остаться, ибо время с каждой минутой разводит нас с образцами. Притом все образцовые дарования носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах — невозможно и неуместно. Творения знаменитых писателей должны быть только мерою достоинства наших творений. Так чужое высокое понятие порождает в душе истинного поэта неведомые дотоле понятия. Так, по словам астрономов, из обломков сшибающихся комет образуются иные, прекраснейшие миры!

Я мог бы яснее и подробнее исследовать сказанные причины; я бы должен был присовокупить к ним и раннее убаюкивание талантов излишними похвалами или чрезмерным самолюбием; но уже время, оставив причины, взглянуть на произведения.

Прошедший год утешил нас за безмолвие 1823-го. Н. М. Карамзин выдал в свет X и XI томы «Истории Государства Российского». Не входя, по краткости сего объема, в рассмотрение исторического их достоинства, смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукою истинного дарования. Сими двумя томами началась и закончилась, однако ж, изящная проза 1824 года. Да и вообще до сих пор творения почтенного нашего историографа возвышаются подобно пирамидам на степи русской прозы, изредка оживляемой летучими журнальными бедуинами или тяжело движущимися караванами переводов. Из оригинальных книг появились только повести г-на Нарежного. Они имели в себе много характеристического и забавного, если бы в их рассказе было поболее приличия и отделки, а в происшествиях поменее запутанности и чудес. В роде описательного путешествия Е. Тимковского чрез Монголию в Китай (в 1820 и 21 годах) по новости сведений, по занимательности предметов и по ясной простоте слога, несомненно, есть книга европейского достоинства. Из переводов заслуживают внимания: записки полковника Вутье о войне греков, переданные со всею силою, со всею военною искренностью г-ном Сомовым, к которым приложил он введение, полное жизни и замечаний справедливых. Исто-

рия греческих происшествий из Раффенеля Метаксоу, поясненная сим последним, «Добродушный», очень игриво переведенный г-ном Дешаплетом, третья часть «Лондонского пустынного» его же и «Жизнь Али-паши Янинского» г-ном Строевым. К сему же числу принадлежит и книжечка «Искусство жить» — извлеченное из многих новейших философов и оправленное в собственные мысли извлекателя, г-на Филимонова. Появилось также несколько переводов романов Вальтера Скотта, но ни один прямо с подлинника и редкие прямо по-русски.

История древней словесности сделала важную находку в издании Иоанна Экзарха Болгарского, современника Мефодиева. К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностнее заниматься археологиею и критикою историческою, сими основными камнями истории. Книга сия отыскана и объяснена г-ном Калайдовичем⁵, неутомимым изыскателем русской старины, а издана в свет иждивением графа Н. П. Румянцова, сего почтенного вельможи, который один из всей нашей знати не щадит ни трудов, ни издержек для приобретения и издания книг, родной истории полезных. Таким же образом напечатан и «Белорусский архив», приведенный в порядок г-ном Григоровичем. Общество истории и древностей русских издало вторую часть записок и трудов своих; появилось еще пятнадцать листов летописи Нестора по Лаврентьевскому списку⁶, приготовленных профессором Тимковским.

Стихотворениями, как и всегда, протекшие пятнадцать месяцев изобиловали более, чем прозою. В. А. Жуковский издал в полноте рассеянные по журналам свои сочинения. Между новыми достойно красуется перевод Шиллеровой «Девы Орлеанской», перевод, каких от души должно желать для словесности нашей, чтобы ознакомить ее с настоящими чертами иноземных классиков. Пушкин подарил нас поэмою «Бахчисарайский фонтан»; похвалы ей и критики на нее уже так истерлись от беспрестанного обращения, что мне остается только сказать: она пленительна и своенравна, как красавица Юга. Первая глава стихотворного его романа «Онегин», недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, везде, где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества, — стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу. Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это счаст-

ливое подражание Гете) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком⁷. Блажен, говорит там в негодовании поэт:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!

И плод сих чувств есть рукописная его поэма «Цыгане». Если можно говорить о том, что не принадлежит еще печати, хотя принадлежит словесности, то это произведение далеко оставило за собой все, что он писал прежде. В нем-то гений его, откинув всякое подражание, восстал в перво-родной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни, и глубоких страстей, и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это — выраженное на деле, а не на словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры? И. А. Крылов порадовал нас новыми прекрасными баснями; некоторые из них были напечатаны в повременных изданиях, и скоро сии плоды вдохновения, числом до тридцати, покажутся в полном собрании. Н. И. Гнедич недавно издал сильный и верный свой перевод (с новогреческого языка) «Песен клефтов», с приложением весьма любопытного предисловия. Сходство их с старинными нашими песнями разительно. На днях выйдет в свет поэма И. И. Козлова «Чернец»; судя по известным мне отрывкам, она исполнена трогательных изображений, и в ней теплятся нежные страсти. Рылеев издал свои «Думы» и новую поэму «Войнаровский», скромность заграждает мне уста на похвалу в сей последней высоких чувств и разительных картин украинской и сибирской природы. «Ночи на гробах» князя С. Шихматова в облаке отвлеченных понятий заключают многие красоты пиитические, подобно искрам золота, вкрапленным в темный гранит. Ничего не скажу о балладах и романсах г-на Покровского, потому что ничего лестного о них сказать не могу; похвалю в «Восточной лютне» г-на Шишкова-второго звонкость стихов и плавность языка для того, чтобы похвалить в ней что-нибудь. Впрочем, в авторе порою проглядывает дар к поэзии, но вечно в веригах подражания. Наконец, упоминая о стихотворении г-на Олина «Кальфон» для того, что сей набор рифм и слов называется поэмою. Присоединив к нему несколько приятных безделок в журналах, разбросан-

ных Н. Языковым, И. И. Козловым, Писаревым, Нечаемым... я подвел уже весь итог нашей поэзии.

Русский театр в прошедшем году обеднел оригинальными пьесами. Замысловатый князь Шаховской очень удачно, однако ж, вывел на сцену Вольтера-юношу и Вольтера-старика в дилогии своей «Ты и вы» и переделал для сцены эпизод Финна из поэмы Пушкина Людмила и Руслан.

В Москве тоже давали, как говорят, хороший перевод «Школы стариков» (Делавиня) г-на Кокошкина и еще кой-какие водевили и драмы, о коих по слухам судить не можно; а здесь некоторые драмы обязаны были успехом своим сильной игре г-жи Семеновой и Каратыгина. Я бы сказал что-нибудь о печатной, но не игранный комедии г-на Федорова «Громилов», если бы мне удалось дочесть ее. К числу театральных представлений принадлежит и «Торжество муз», пролог г-на М. Дмитриева на открытие большого Московского театра. В нем, хотя форма и очень устарела, есть счастливые стихи и светлые мысли. Но все это выкупила рукописная комедия г-на Грибоедова «Горе от ума», феномен, какого не видали мы от времен «Недоросля». Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез. Люди, привычные даже забавляться по французской систематике или оскорбленные зеркальностью сцен, говорят, что в ней нет завязки, что автор не по правилам нравится,— но пусть они говорят, что им угодно: предрассудки рассеются, и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных.

Удача альманахов показывает нетерпеливую склонность времени не только мало писать, но и читать мало. Теперь ходячая наша словесность сделалась карманною. Пример «Полярной звезды» породил множество подражаний; в 1824 году началось «Мнемозиною», которая если не по объему и содержанию, то по объявлению издателей принадлежит к дружине альманахов. Страсть писать теории, опровергаемые самими авторами на практике, есть одна из примет нашего века, и она заглавными буквами читается в «Мнемозине». Впрочем, за исключением диктаторского тона и опрометчивости в суждениях, в г-не Одоевском видны ум и начитанность. Сцены из трагедии

«Аргивяне» и пьеса «На смерть Бейрона» г-на Кюхельбекера имеют большое достоинство. На 1825 год театральный альманах, «Русская талия» (издатель г-н Булгарин), между многими хорошими отрывками заключает в себе третье действие комедии «Горе от ума», которое берет безусловное преимущество над другими. Потом отрывок из трагедии «Венцеслав» Ротру, счастливо переделанной Жандром, и сцены из комедии «Нерешительный» г-на Хмельницкого и «Ворожея» кн. Шаховского. Кроме этого, книжка сия оживлена очень дельною статьею г-на Греча о русском театре и характеристическими выходками самого издателя. «Русская старина», изданная г.г. Корниловичем и Сухо-руковым. Из них первый описал век и быт Петра Великого, а другой — нравы и обычаи поэтического своего народа — казаков. Оба рассказа любопытны, живы, занимательны. Сердце радуется, видя, как проза и поэзия скидывают свое безличие и обращаются к родным, старинным источникам. «Невский альманах» (изд. г-н Аладьин) прекрасный попутчик для других альманахов. Наконец, «Северные цветы», собранные бароном Дельвигом, блистают всею яркостью красок поэтической радуги, всеми именами старейшин нашего Парнаса. Хотя стихотворная ее часть гораздо богаче прозаической, но и в этой особенно занимательна статья г-на Дашкова «Афонская гора» и некоторые места в «Письмах из Италии». Мне кажется, что г-н Плетнев не совсем прав, расточая в обозрении полною рукою похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут потому только, что они живы, — но у всякого свой вес слов, у каждого свое мнение. Из стихотворений прелестны наиболее: Пушкина дума «Олег» и «Демон», «Русские песни» Дельвига и «Череп» Баратынского. Один только упрек сделаю я в отношении к цели альманахов: «Северные цветы» можно прочесть, не улыбувшись.

Журналы по-прежнему шли своим чередом, то есть все кружились по одной дороге: ибо у нас нет разделения работы, мнений и предметов. «Инвалид» наполнял свои листки и «Новости литературы» лежалою прозою и перепечатанными стихами. Заметим, что с некоторого времени закралась к издателям некоторых журналов привычка помещать чужие произведения без спросу и пользоваться чужими трудами безответно. «Вестник Европы» толковал о старине и заржавленным циркулем измерял новое. Подобно прочим журналам, он, особенно в прошлом году, изобиловал критическою перебранкою; критика на предисло-

вие к «Бахчисарайскому фонтану», с ее последствиями, достойна порицания если не по предмету, то по изложению. Подобная личность вредит словесности, оправдывая неуважение многих к словесникам. Этого мало: кто-то русский напечатал в Париже злую выходку на многих наших литераторов и перед глазами целой Европы, не могли показать достоинств, обнажил, может быть, мнимые их недостатки и свое пристрастие. Другой там же защищал далеких обиженных хотя не вовсе справедливо, но весьма благородно, и полемическая наша междоусобица загорелась на чужой земле. 1825 год ознаменовался преобразованием некоторых старых журналов и появлением новых. У нас недоставало газеты для насущных новостей, которая соединяла бы в себе политические и литературные вести: г. г. Греч и Булгарин дали нам ее — это «Северная пчела». Разнообразием содержания, быстротою сообщения новизны, черезденным выходом и самою формою — она вполне удовлетворяет цели. Каждое состояние, каждый возраст находит там что-нибудь по себе. Между многими любопытными и хорошими статьями заметил я «О романах» г-на Сомова и «Нравы» Булгарина. Жаль, что г-н Булгарин не имеет времени отделять свои произведения. В них даже что-то есть недосказанное; но с его наблюдательным взором, с его забавным сгибом ума он мог бы достичь прочнейшей славы. «Северный архив» и «Сын отечества» приняли в свой состав повести; этот вавилонизм не очень понравится ученым, но публика любит такое смешение. За чистоту языка всех трех журналов обязаны мы г-ну Гречу — ибо он заведывает грамматическою полициею. В Петербурге на сей год издается вновь журнал «Библиографические листки» г-ном Кеппеном. Это необходимый указатель источников всего писанного о России. В Москве явился двухнедельный журнал «Телеграф», изд. г-ном Полевым. Он заключает в себе все; извещает и судит обо всем, начиная от бесконечно малых в математике до петушьих гребешков в соусе или до бантиков на новомодных башмачках. Неровный слог, самоуверенность в суждениях, резкий тон в приговорах, везде охота учить и частое пристрастие — вот знаки сего «Телеграфа», а смелым владеет бог — его девиз.

Журналы наши не так, однако ж, дурны, как утверждают некоторые умники, и вряд ли уступают иностранным. Назовите мне хоть один сносный литературный журнал во Франции, кроме *Revue Encyclopédique*? Немцы уж

давно живут только переводами из журнала г-на Ольдеко-
на,⁸ у которого, не к славе здешних немцев, едва есть три-
дцать подписчиков, и одни только англичане поддержива-
ют во всей чистоте славу ума человеческого.

Оканчиваю. Знаю, что те и те восстанут на меня за то
и то-то, что на меня посыплется град вопросительных
крючков и восклицательных шпилек. Знаю, что я избрал
плохую методу—ссориться с своими читателями в пре-
дисловии книги, которая у них на руках... но как бы то ни
было, я сказал, что думал,—и «Полярная звезда» перед
вами.

Впервые — «Полярная звезда» на 1825 год», с. 488—499. Статья была высоко оценена в передовых кругах, в частности, Рылеевым (см. ЛН, т. 59, с. 145; К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М.—Л., «Academia», 1934, с. 489), однако вызвала ряд возражений и критических замечаний Пушкина, который, в частности, в своем письме к автору не согласился с утверждением Бестужева, что у нас «есть критика, а нет литературы». «Где же ты это нашел? — спрашивал Пушкин. — Именно критики у нас и недостает». Характеризуя далее современную литературу, поэт отмечает: «Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кое-какая у нас есть, а критики... нет». Возражает он Бестужеву и по другим вопросам (см.: Пушкин, т. XIII, с. 177—180).

¹ Цитируется работа английского критика Ф. Джеффри.

² С 1577 г. Тассо периодически страдал манией преследования. В 1579 г. после второго приступа помешательства он был помещен в психиатрический госпиталь. Перед смертью ему был присужден лавровый венок.

³ Имеется в виду «Генриада» (1728) — поэма, начатая Вольтером в Бастилии.

⁴ *Гроб повапленный* (от «вапь» — «краска») — определение дурного человека, прикидывающегося хорошим; от евангельского сравнения лицемеров с «гробами повапленными, которые красивы снаружи, а внутри полны мертвых костей и всякой мерзости».

⁵ *Иоанн Экзарх Болгарский* — средневековый писатель конца IX — начала X в. Один из создателей литературного староболгарского языка. Бестужев имеет в виду появление книги К. Ф. Калайдовича «Иоанн Эксарх Болгарский» (М., 1824), включавший приложение, которое знакомило читателей с трудами Иоанна.

⁶ О летописи Нестора см. прим. на с. 311. *Лаврентьевский список* содержит полный текст «Повести временных лет» в наиболее исправ-

ленной редакции. Список получил свое название по имени переписчика монаха Лаврентия, который в 1377 г. снял копию со списка начала XIV в.

⁷ «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) впервые появился в печати как предисловие к первой главе «Евгения Онегина». Говоря о счастливом подражании Гете, Бестужев скорее всего имеет в виду «Театральное вступление» (конец 1790-х гг.) к «Фаусту», в котором Гете, в диспуте между директором театра, поэтом и комическим актером, раскрывает различное отношение к искусству.

⁸ «Sankt-Petersburgische Zeitschrift». Выходил в России.